
А. В. ГОТНОГА

СИНЕРГЕТИКА И НЕЛИНЕЙНЫЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

В свое время выдающийся венгерский мыслитель Г. Лукач утверждал, что активное и тотальное внедрение в социальные науки метода естественных наук является признаком вмешательства буржуазной идеологии в область социального познания, поскольку указанный метод не допускает существования внутренних противоречий и развития изучаемого объекта¹. С момента написания всемирно известной книги «История и классовое сознание», в которой Г. Лукач выразил свое негативное отношение к засилью естественно-научной методологии в общественном познании, в науке произошли большие изменения. Естественные науки больше не оперируют вневременными категориями, поскольку считается, что и законы природы имеют исторический характер². Речь идет о синергетике.

В настоящее время синергетика претендует на статус общенаучной парадигмы. Методология синергетики завоевывает все большее признание в социальных науках. Казалось бы, если прежняя методология естественных наук, на реакционный характер которой в социальном познании указывал родоначальник западного марксизма (неомарксизма), заменена «революционной» методологией синергетики, не признающей никаких вечных и неизменных естественных законов, то наконец-то социальные науки обрели свободу от идеологического вмешательства, а сущность социальных противоречий стала очевидной. Напротив, можно утверждать, что распространение синергетики на область социальных наук яв-

¹ См.: Лукач, Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. – М.: Логос-Альтера, 2003. – С. 112–113.

² См.: Лекторский, В. А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке? // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С. 46–47.

ляется признаком усиления идеологического давления. Показательно, что данная тенденция наметилась в 1990-х гг. после провозглашения «конца истории». Насколько научно плодотворной оказалась методология синергетики в социальных науках, будет рассмотрено далее.

В основе синергетики лежит принцип нелинейного детерминизма. В истории социальной мысли нелинейные концепции, по мнению П. Сорокина, который одним из первых в социологии обратился к их изучению, являются старейшими и наиболее распространенными³. Собрав многочисленные свидетельства, он пришел к выводу, что «факты явно противоречат утверждениям каких-либо универсальных и вечных линейных тенденций или каких-либо универсальных стадий эволюции, относящихся ко всему человечеству, к любым группам и индивидам»⁴.

В конце XX в. становление принципа нелинейного детерминизма в общественном сознании получило новый интеллектуальный импульс. Как и в XIX в., он исходил из области естествознания, где и зародилась синергетика. Крупнейшими представителями синергетики являются Г. Хакен, Г. Николис, И. Пригожин, Н. Н. Моисеев и ряд других видных ученых. Так, например, по мнению Н. Н. Моисеева, «...признание права стохастичности и неопределенности быть важнейшими атрибутами современного рационализма <...> представляется абсолютно необходимым»⁵. Исходя из этого, ученый считает, что «принцип причинности еще только предстоит сформулировать. А сейчас же нам следует набраться мужества для того, чтобы отказаться от тривиального представления о причинности, когда нам кажется, что одни и те же “причины”, действующие на один и тот же “объект”, обязательно должны порождать одни и те же следствия»⁶.

Согласно идеям синергетики исторический процесс предстает как «хаос», то есть «...целостность, объединяющая многофактор-

³ Сорокин, П. А. Обзор циклических концепций социально-исторического процесса // Социс. – 1998. – № 12. – С. 3–12.

⁴ Он же. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренкова. – М.: Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996. – С. 381.

⁵ Моисеев, Н. Н. Расставание с простотой. – М.: Аграф, 1998. – С. 58.

⁶ Там же. – С. 61.

ность проявлений и многоаспектность проблем»⁷. По словам К. В. Хвостовой, «признаком хаоса является, например, наличие внутри этой целостности спонтанно развивающихся (саморегулирующихся) систем»⁸. Самоорганизация систем приводит к бифуркации. «Бифуркация – это <...> некоторый процесс, протяженный во времени, но длящийся весьма короткий интервал времени, в течение которого происходит качественная перестройка свойств системы, и определяющее значение в характере дальнейшего развития процесса имеют случайные факторы»⁹. В момент бифуркации происходит нарушение существующей тенденции самоорганизации систем и возникает вероятность развития не одного, а нескольких аттракторов. «...Аттрактор – это проявление закономерности в случайности, некоторая совокупность условий, при которых выбор путей движения или эволюции разных систем происходит по сходящимся траекториям»¹⁰. Другими словами, аттрактор – это одна из случайных форм закономерности.

Вместе с тем в момент бифуркации возрастает роль флуктуации – малейшего нарушения или изменения первоначальных условий или свойств¹¹. Именно флуктуация определяет дальнейшую траекторию самоорганизующейся системы, ее аттрактор.

Несмотря на то, что синергетика претендует на статус генерализирующей общенаучной парадигмы, бросается в глаза проповедуемый ею агностицизм, что сближает ее с постмодернизмом. Разве призыв синергетики «отказаться от тривиального представления о причинности, когда нам кажется, что одни и те же “причины”, действующие на один и тот же “объект”, обязательно должны порождать одни и те же следствия» не является также и призывом постмодернизма? Разница лишь в том, что первый исходит из естествознания, а второй – из области культуры.

⁷ Хвостова, К. В. Современная эпистемологическая парадигма в исторической науке (Роль многозначной логики) // Одиссей. Человек в истории. 2000 / гл. ред. А. Я. Гуревич. – М.: Наука, 2000. – С. 10.

⁸ Там же.

⁹ Моисеев, Н. Н. Указ. соч. – С. 68.

¹⁰ Кульпин, Э. С. Восток (Человек и природа на Дальнем Востоке). – М.: Московский лицей, 1999. – С. 44.

¹¹ См.: Петров, И. Г. Хаос и форма: социокультурная эволюция // Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса / отв. ред. Э. В. Сайко; науч. совет «История мировой культуры». – М.: Наука, 2003. – С. 200.

Очевидно, этот призыв не нов. По меньшей мере он восходит к системе логики Джона Стюарта Милля. Э. Дюркгейм по этому поводу писал: «Это представление о причинной связи, отнимая у нее всякую определенность, делает ее почти недоступной научному анализу, потому что вносит такую сложность в переплетающуюся цепь причин и следствий, что ум теряется в ней безвозвратно»¹². Однако Э. Дюркгейм указал на научную недостоверность данной теории. «Сколько раз науке приходилось сводить к единству причины, – писал он, – множественность которых казалась на первый взгляд несомненной»¹³. Вывод классика социологии был таков: «Одному и тому же следствию соответствует всегда одна и та же причина»¹⁴.

«Модель множественной каузальности» («демократическая теория знания») в середине XX в. воплотилась в социальных науках в рамках направления, названного Ч. Р. Миллсом «либеральным практицизмом». «Фактически идея о том, что причины социальных событий неизбежно многочисленны, фрагментарны и по отдельности ничтожны, легко укладывается в то, что можно назвать либеральным практицизмом»¹⁵. По мнению американского ученого, «эта, так сказать, “плюралистическая каузация” весьма удобна для либеральной политики “постепенных” реформ»¹⁶. По словам А. У. Гоулднера, модель множественной каузальности «...находила благоприятный отклик в настроениях либеральных интеллектуалов, которые, как либералы, стремились быть посредниками между конкурирующими теориями единственного фактора и которые, как интеллектуалы, с подозрением относились к упрощенчеству и предубежденности, присущей любой из теорий единственного фактора»¹⁷. Однако, критически добавлял он, «модель множественной каузальности обычно нарушает каноны экономики, часто имея тенденцию к бесполезному умножению числа независимых переменных»¹⁸.

¹² Дюркгейм, Э. Метод социологии // Западно-европейская социология XIX – начала XX в. / под ред. В. И. Добренкова. – М.: Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996. – С. 356.

¹³ Там же. – С. 357.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Миллс, Ч. Р. Социологическое воображение. – М., 1998. – С. 103.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Гоулднер, А. У. Наступающий кризис западной социологии. – СПб.: Наука, 2003. – С. 268–269.

¹⁸ Там же. – С. 269.

Многоголосие «либерального практицизма» сейчас заглушает любые проявления инакомыслия в отечественном социальном познании. Так, А. В. Коротаяев выделяет целый комплекс «фундаментальных», или первичных, факторов (движущих сил) социальной эволюции, не отдавая ни одному из них предпочтения. В этот комплекс входят следующие факторы: 1) демографический фактор; 2) спонтанные изменения естественной среды; 3) изменение внешней социальной среды; 4) немутационное варьирование сочетания генов в генотипах особей популяции; 5) биологические мутации человеческого рода; 6) квазибиологические социокультурные мутации; 7) конфликт интересов; 8) механизм разворачивания потребностей; 9) исследовательская активность; 10) самофункционирование социальных систем определенного типа¹⁹.

Еще более сложный комплекс «базовых» факторов исторической динамики предлагает Н. С. Розов. По его мнению, «базовые факторы делятся на четыре группы соответственно сферам бытия: материальному миру (геобиотехносфере), психосфере, социосфере и культуросфере»²⁰. К «базовым» факторам материального мира относятся: 1) демографическая динамика; 2) обратная нагрузка; 3) спонтанные изменения среды; 4) сопряженность контроля и зависимости. Группу «базовых» факторов психосферы образуют: 1) стремление к членству в сообществе себе подобных; 2) стремление к высокому статусу, власти и собственности; 3) динамика потребностей; 4) поисковая и конструктивная активность; 5) закрепление задатков и изменение адаптивности. Группу «базовых» факторов социосферы составляют: 1) внешние столкновения; 2) внутренние конфликты и иерархии; 3) дифференциация и интеграция; 4) развитие рынков. Наконец, к «базовым» факторам культуросферы относятся: 1) дифференциальная диффузия; 2) разворачивание культурных горизонтов²¹. В итоге получается 15 «базовых» факторов.

В отечественной исторической науке бытует мнение, что установить главную причину того или иного исторического явления

¹⁹ Коротаяев, А. В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. – М.: Восточная литература, 2003. – С. 13–38.

²⁰ Розов, Н. С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. – М.: Логос, 2002. – С. 175.

²¹ Там же. – С. 174–181.

невозможно, поскольку «всегда действует множество причин и факторов»²². Но тогда вообще можно поставить под сомнение необходимость изучения этого «множества» причин и факторов, так как оно никогда не будет исчерпывающим, а следовательно, не даст возможности адекватно объяснить то или иное событие или явление. Ссылка на «множество» причин без указания на их иерархию равнозначна отрицанию их наличия. Поэтому можно полностью согласиться с видным отечественным историком и социальным философом Ю. И. Семеновым, который считает, что «ничего хорошего от внедрения в нашу историческую науку многофакторного подхода ждать не приходится. Он не только не позволяет понять ход исторического процесса, но, наоборот, исключает такую возможность»²³.

Показательна в этом отношении попытка выдающегося французского историка Фернана Броделя построить многофакторную модель генезиса капитализма. В своем фундаментальном исследовании «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» он подверг справедливой критике идеалистическое объяснение генезиса капитализма, в свое время предложенное В. Зомбартом и М. Вебером. В частности, он писал: «Однозначное, “идеалистическое” объяснение, делающее из капитализма воплощение определенного типа мышления, всего лишь увертка, которой воспользовались за неимением лучшего Вернер Зомбарт и Макс Вебер, чтобы ускользнуть от [признания] мысли Маркса. По справедливости мы не обязаны следовать за ними»²⁴. Но Ф. Бродель не спешил следовать и за К. Марксом. Для него в равной мере были неприемлемы как идеалистическое, так и материалистическое объяснения природы капитализма. «Тем не менее, я вовсе не считаю, – писал он, – что в капитализме все материально, или все социально, или все есть общественное отношение. Вне сомнения, остается, на мой взгляд, одно: он не мог выйти из одного [сугубо] ограниченно-

²² Коломийцев, В. Ф. Законы истории или социологические закономерности? // Отечественная история. – 1997. – № 6. – С. 96.

²³ Семенов, Ю. И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М.: Современные тетради, 2003. – С. 424.

²⁴ Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. – Т. 2. Игры обмена. – М.: Прогресс, 1988. – С. 400.

го истока»²⁵. Как же тогда возник капитализм? По мнению Ф. Броделя, здесь одновременно сказались влияние сразу нескольких факторов, выделить из которых главный не представляется возможным: «Свое слово сказала здесь экономика; свое слово – политика; свое слово – общество; свое слово сказали и культура, и цивилизация. А также и история, которая зачастую была последней инстанцией, определяющей соотношение сил»²⁶. Таким образом, «экономика», «политика», «общество», «культура» и «цивилизация» представлены как рядоположенные факторы, случайная историческая комбинация которых и предопределила возникновение капитализма. Как же Ф. Броделю удастся провести последовательно эту линию рассуждений до конца, избежав соскальзывания в сторону какого-либо одного фактора? Капитализм, утверждает он, является надэкономической, надполитической и надобщественной структурой, то есть своего рода «надстройкой» над всем обществом. Поэтому Ф. Бродель доходит до того, что противопоставляет капитализм рыночной экономике, называя первый «противорынком»²⁷. Здесь и обнаруживается метафизичность данной концепции, ее антиисторизм. Дело в том, что рыночная экономика предстает в работе французского историка в качестве трансисторической структуры, выполняющей функцию обмена²⁸. Налицо структурно-функциональное понимание рыночной экономики со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Пожалуй, главная проблема структурного функционализма заключается именно в том, что он не в состоянии объяснить исторические изменения. Встав на скользкую стезю структурного функционализма, Ф. Бродель оказался не в состоянии дать иной интерпретации возникновения капитализма, нежели та, которая бы связывала последний с исторической случайностью. Действительно, ведь никакой функциональной необходимости возникновения «противорынка» просто не существует. Отвергнув однофакторную модель исторических изменений, Ф. Бродель тем не менее не смог уклониться от дилеммы идеализ-

²⁵ Бродель, Ф. Указ. соч. – С. 400.

²⁶ Там же. – С. 400.

²⁷ Там же. – С. 220.

²⁸ Там же. – С. 215–219.

ма и материализма. Подвергнув В. Зомбарта и М. Вебера критике за идеализм, он, однако, не смог избежать той же участи. Правда, идеализм Ф. Броделя носит более утонченный и скрытый характер.

Возвращаясь к синергетике, нельзя не заметить, что ей присущ тот же методологический недостаток, ведущий к агностицизму, что и другим подходам, опирающимся на модель множественной каузальности, – нарушение правила экономии при попытках объяснить причины социальных изменений. Как бы исследователи ни пытались уйти от вопроса о том, что является главной движущей силой исторического процесса среди бесконечного множества «фундаментальных» факторов, очевидно, что значение флуктуации, случайных колебаний и отклонений нивелируется с увеличением временных интервалов исследования. Чем больший исторический промежуток времени становится объектом исследования, тем более закономерными предстают изучаемые процессы, тем настойчивее заявляет о себе главный исторический фактор, пробивающийся сквозь толщу случайных отклонений. Происходит своего рода выпрямление, сглаживание многочисленных нелинейных тенденций. На языке математики это называется аппроксимацией.

В качестве примера, подтверждающего данный тезис, приведем концепцию истории, которую предложил Л. М. Баткин. Опираясь на принципы синергетики, он рассматривает всемирную историю как Историю историй с постоянно меняющимися правилами игры²⁹. Исходя из этого, ученый делит всемирную историю на Первую, Вторую и Третью истории, каждая из которых линейно не связана с предыдущей. По его мнению, Первая история, началом которой послужило «осевое время» (К. Ясперс), является традиционалистской, или Историей цивилизаций. Она, отличаясь «экзотической феноменологией», была гораздо более разнообразной и многофакторной, следовательно, менее линейно детерминированной по сравнению со Второй историей, возникшей вместе с капитализмом в Западной Европе. Детерминизм усилился именно с появлением капитализма, причем решающую роль во всемирной истории стала выполнять экономическая доминанта. В настоящее время, считает Л. М. Баткин, «...мы переживаем третье осевое вре-

²⁹ Баткин, Л. М. Странная тюрьма исторической необходимости // Одиссей. Человек в истории 2000 / гл. ред. А. Я. Гуревич. – М.: Наука, 2000. – С. 71.

мя, вступаем в Третью историю»³⁰. В результате для человечества «свобода окончательно отождествится с исторической необходимостью. То есть с неизбежностью сознательного выбора среди различных вариантов продолжения истории»³¹.

Таким образом, по Л. М. Баткину, можно говорить о наличии во всемирно-историческом процессе нескольких историй, отличающихся друг от друга, кроме всего прочего, последовательным усилением линейных форм детерминизма. Однако тем самым ученый входит в противоречие с отстаиваемыми им принципами синергетического подхода, поскольку усиление детерминизма становится сквозной линейной тенденцией Истории историй.

Подобные противоречия допускают и другие приверженцы нелинейной парадигмы мышления. Так, А. В. Коротаяев полагает, «...что имеет смысл говорить не о линиях эволюции, а о непрерывном эволюционном поле»³². В то же время он утверждает, что «нелинейность процессов социокультурной эволюции не отменяет наличия в них определенных сквозных тенденций»³³. Исходя из этих посылок, он выделяет во всемирной истории две такие сквозные тенденции: 1) «антипрогрессивную», преобладающую с момента неолитической революции вплоть до XIX–XX вв.; 2) «прогрессивную», наметившуюся в XIX–XX вв. в наиболее развитых демократических странах с рыночной экономикой³⁴. К такому делению всемирной истории автор пришел на основе противоречивого понимания им термина «прогресс». С одной стороны, прогресс есть «уменьшение зла и рост добра»³⁵. С другой стороны, объективных критериев социального прогресса не существует, поэтому установить факт прогресса можно только с помощью демократического консенсуса³⁶. Например, большинству кажется, что стало жить лучше, значит, общество идет по пути прогресса³⁷. Однако А. В. Коротаяев тут же сам отходит от выдвинутого им принципа. Так, он считает, что параметры, предложенные С. К. Сандерсоном (качест-

³⁰ Баткин, Л. М. Указ. соч. – С. 74.

³¹ Там же. – С. 77.

³² Коротаяев, А. В. Указ. соч. – С. 91.

³³ Там же. – С. 92.

³⁴ Там же. – С. 113, 191–196.

³⁵ Там же. – С. 5.

³⁶ Там же. – С. 7.

³⁷ Там же. – С. 144.

во жизни, характер труда и продолжительность рабочего дня, уровни социального и экономического равенства, демократии и свободы), большинство «из ныне живущих людей» может принять как критерии прогресса³⁸.

Интерпретация А. В. Коротаевым социального прогресса не может не вызвать ряд критических замечаний. Во-первых, возникают сомнения, что большинство из ныне живущих людей под указанными характеристиками социального прогресса будут понимать одно и то же. Следовательно, если консенсус в отношении этих критериев и будет достигнут, то в силу субъективных заблуждений некоторой части его участников. Во-вторых, непонятно, почему большинство из ныне живущих людей должно руководствоваться критериями, предлагаемыми С. К. Сандерсоном, а не собственными субъективными мнениями? В-третьих, кажется странным, что мнение большинства именно ныне живущих людей является мерилом социального прогресса. А почему не взять в расчет мнение большинства уже умерших людей? Вероятно, у людей в прошлом были иные представления о социальном прогрессе. Нельзя также исключить, что они изменятся в будущем. Почему же тогда текущий момент является моментом истины? В таком случае следующим поколениям мы не оставляем права выбора. Хотя где гарантия того, что они не воспользуются прецедентом и не поступят по отношению к сегодняшним представлениям о прогрессе аналогичным образом, то есть просто проигнорируют? В-четвертых, насколько вообще правомерен сам принцип демократического консенсуса в социальном познании? Не приведет ли это к профанации социальной науки? Ведь никто же серьезно не воспримет идею руководствоваться общественным мнением в вопросах, например, квантовой механики или ядерной физики.

Проявленная А. В. Коротаевым непоследовательность в вопросах, касающихся социального прогресса, во многом обусловлена тем, что на социальную эволюцию он смотрит через призму западоцентризма. Поэтому, несмотря на серьезную попытку построить нелинейную модель многомерного поля социальной эволюции, само это поле возникает вокруг оси современности Запада. Таким образом, всемирная история структурируется в зависимости от того, насколько те или иные тенденции коррелируют с теми, что пре-

³⁸ Коротаев, А. В. Указ. соч. – С. 8–9.

обладают в современных странах мира с развитыми институтами демократии и рыночной экономики. На что можно возразить словами самого А. В. Коротаева: «Совершенно непонятно, почему единственно правильной следует считать эволюционную модель, представляющую общества карабкающимися по некоей одной для всех лестнице социокультурной эволюции, так что все дело в том, чтобы как можно скорее двигаться вперед (вверх)»³⁹. К тому же, «по-видимому, слишком рано утверждать, что современная мир-система лучше адаптирована к природной среде нашей планеты по сравнению с предыдущими ей историческими системами»⁴⁰. А происходит это не в последнюю очередь потому, что в странах Запада господствуют «рыночная экономика» и «демократия».

Анализ современных социальных концепций показывает, что очень сложно на самом деле реализовать принцип нелинейного детерминизма в изучении социальных процессов. Дело не только в тенденциозности упомянутых авторов, пытающихся примирить провозглашаемые методологические установки с идеологией западоцентризма. Независимо от того, каких взглядов на социальное устройство придерживается тот или иной автор, он будет вынужден признать определенную направленность эволюции социального объекта с той большей вероятностью, с чем большим временным интервалом он имеет дело. Иначе говоря, чем больше настоящее содержит в себе будущее, тем менее линейно неопределенным представляется объект. Уместно вспомнить интересную мысль французского философа А. Кожева: «Но как можно судить об успехе? Для этого нужно, чтобы История закончилась»⁴¹. Аналогичным образом можно поставить вопрос и о прогрессе человечества. В любом случае будут линейно сопоставляться начало и конец социальной эволюции, а промежуточные нелинейные результаты уйдут на второй план. Ответ же на вопрос, что считать «началом» и «концом» социальной эволюции, носит оценочный характер. Очевидно, что единомышленники Ф. Фукуямы будут настаивать на «конце истории», чтобы представить современность как вершину социальной эволюции. Напротив, сторонники марксизма будут заявлять в лучшем случае о «конце предыстории» человечества.

³⁹ Коротаев, А. В. Указ. соч. – С. 130.

⁴⁰ Там же. – С. 73.

⁴¹ Цит. по: Декомб, В. Современная французская философия. – М.: Весь мир, 2000. – С. 21.